

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ НОРМАТИВНОСТИ В РОССИИ

Золотухин Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политических отношений и права, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: zvm64@mail.ru

Степанцова Евгения Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, политических отношений и права, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: ev67@yandex.ru

В статье рассматривается взаимосвязь российской правовой нормативности с социокультурными процессами. Как абстрактная модель общественных отношений и поведения людей правовая норма не навязывается насильно, а является продуктом развития общества. Подчеркивается, что нормы права определяются историческим развитием социума, устанавливаются и обнаруживаются в органическом развитии народного духа. «Восточная» слабость российского права в условиях приоритета конвенциональных и моральных регуляторов на практике привела к неправомерному насилию. Отмечается, что норма права является продуктом социокультурного развития общества, воспринимается обществом как социальная необходимость. Для устойчивости нормативно-правовой системы опасен конфликт между законодательной и исполнительной властью. Преодоление такого конфликта возможно в процессе нахождения компромиссных вариантов среди всех субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности в условиях существования социального согласия. Формирование норм права должно способствовать стабилизации (уравновешиванию) поведенческих ожиданий и коллективно принятых решений на основании общественного консенсуса.

Ключевые слова: договор, закон, поведение, ментальность, нормативность, консенсус.

SOCIO-CULTURAL ASPECT OF LEGAL NORMATIVITY IN RUSSIA

Zolotukhin Vladimir Mihailovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Sociology, Political Relations and Law, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zvm64@mail.ru

Stepantsova Evgeniya Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Department of Sociology, Political Relations and Law, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ev67@yandex.ru

Speaking as a sample and/or rule (standard) behavior law defines the boundaries (limits), in which, there are some phenomenon or object, while retaining their quality and without losing its essence. Anyway, they are reflected in the socio-cultural stereotypes, broadcast through social institutions, including various media. A direct impact on the effectiveness of the law is provided by social factors, and essential to the full knowledge of the legal norms study of their creation and actions in specific historical conditions of real life. The rule of law, determined by the historical development of society that is installed and detected in the organic development of the national spirit. As an abstract model of social relations and human behavior, the law is not imposed by force, and is a product of the society development and must be perceived by the society as a social necessity, and landmark of conduct in all spheres of life.

The development of the law in the period of social evolution of Russia gives the right to assume that in medieval society there was serious legal culture, influencing the formation of socio-political thought. Characteristically, this idea developed in the context of class inequality and struggle, but also with the significant

influence of religious dogmata. This process, far from perfect, we observed in the development of the Russian legal system, where legal norms and socio-political development of the state are not only inextricably linked, but also significantly affect the socio-cultural space, reflected in the Russian daily mentality. When the rules of law reflect the needs of social development, the interests of the nation and of all mankind reveal not formally abstract set of laws and their system, contributing to the preservation of the society. For optimal creation and application of legal norms, there must be a necessary analysis and consideration of public opinion, because the most important characteristic of the legal norm is its social significance and necessity.

Compliance of the rules of law is a fundament of legitimacy of any state. Any rule of law to some extent restricts personal freedom of an individual, and legitimacy limits ability of authorities. Violation of the law in all spheres of life has gradually led to destruction of the very idea of a fair state, which exists for the benefit of people. As noted by F.A. Hayek, it is invalid to specify the rules of law in respect of individuals and their privileges, because if at the time of adoption of the law is the result, it is known, such a law is not a tool that free persons can use at their discretion. For the stability of the regulatory system the conflict between the legislative and executive power is dangerous. Overcoming such a conflict is possible in the process of finding a compromise among all subjects of law-making and law-enforcement activities in the conditions of existence of social agreement. Consensus should be based on the fundamental principles and norms. First of all, the recognition of entities, as equal participants in public relations, having the opportunity to influence the development of these relations.

Keywords: treaty, law, behavior, mentality, normativity, consensus.

Понятие «норма», в том числе правовая, означает правило, образец, стандарт, руководящее начало. Социальная ценность ее состоит в том, что она определяет границы (пределы), в которых существует то или иное явление или объект, сохраняя при этом свое качество и не утрачивая своей сущности. Так или иначе, они отражаются в социокультурных стереотипах, транслируются через социальные институты, в том числе различными СМИ, и формируют «новые» социокультурные нормы поведения. Последние могут быть как вновь формирующие, так и приобретающие актуальность «забытые» нормы. Критериями для определения их значимости (позитивность и/или негативность) выступают вновь формируемые общественные (социокультурные) ценности и, не в последнюю очередь, – их носители.

Создание норм права ориентируется на объективные потребности общества и субъективные потребности индивида. Следовательно, непосредственное влияние на эффективность норм права оказывают социальные факторы, а необходимым условием всестороннего познания правовых норм является изучение их создания и действия в конкретных исторических условиях реальной жизни.

Чтобы правовая норма могла реализовываться, она должна быть усвоена субъектами правовых отношений и закреплена в мотивах и целях индивида. Как говорил Руссо: «Закон существует

всего лишь для того человека, который либо сам его создал, либо же согласился с ним. Для любого другого человека это не закон, а заповедь или приказ» (цит. по [13, с. 36]). Поэтому необходимо формирование правильного отношения к закону, в том числе и не согласного с ним социального меньшинства. Зачастую мнение меньшинства, а не толпы, бывает более справедливым и разумным. Если есть желание улучшить жизнь человека, для начала надо выяснить, совпадают ли взгляды разных людей на жизнь и ее улучшения.

По мнению Ю. Хабермаса, одним из способов формирования правильного понимания является дискуссия. Решение большинства может приниматься только таким образом, что его содержание считается рационально мотивированным (хотя и не застрахованным от ошибки) итогом дискуссии, которая как бы условно завершается, поскольку необходимо принять, наконец, какое-то решение [13, с. 37]. Такое принятие большинством определенной нормы права считается условно одобренным меньшинством. Ю. Хабермас соглашается с Дж. Фребедем в том, что при этом согласии от меньшинства никто не требует, чтобы оно отказывалось от своей воли, чтобы оно объявляло свое мнение ошибочным; от меньшинства не требуют даже того, чтобы оно отказывалось от своей цели. Но... требуют, чтобы меньшинство отказалось от практической реализации

своего убеждения до тех пор, пока ему не удастся лучше представить свои аргументы и собрать необходимое число согласных с ним [13, с. 37]. Именно правильное понимание и применение норм права в социуме гарантирует достижение общественно-значимых целей: свободы, справедливости, благополучия.

Имея общий характер, правовая норма адресована не отдельному лицу, а кругу лиц, определяемых типическими признаками. Она рассчитана на регулирование не единичного, отдельного отношения, а вида общественных отношений. Как абстрактная модель общественных отношений и поведения людей правовая норма отличается от решений государственных органов по конкретным делам. Она не навязывается насильно, а является продуктом развития общества и должна восприниматься обществом, как социальная необходимость, ориентир поведения во всех сферах жизни – экономической, политической, социальной, семейно-брачной и других.

Нормы права, как и право в целом, определяются историческим развитием социума, устанавливаются и обнаруживаются в органическом развитии народного духа. По выражению Н. Н. Алексеева, оно является тем, что уже существует в «духе народа» [1, с. 241]. Как подчеркивают Н. А. Толстых и В. А. Трусов, «выявление формирования и выражение различных интересов, с одной стороны, их согласование, «усреднение», компромиссность – с другой, позволяют закрепить в праве некую меру «общезначимых интересов» [10, с. 11].

В качестве примера мы можем привести понимание договора в российском правосознании. Договор как один из первых институтов права определяет стандарт (правило) поведения, отражающий культуру его участников. По мнению Краснова, историческо-правовое значение договоров заключается в том, что они являются первыми, дошедшими до настоящего времени письменными правовыми документами [6, с. 33]. В результате письменность, которая обслуживала торговые сделки и иные имущественные отношения, превратилась в мощное средство фиксации законов и их исполнения. Помимо регламентации торговли договоры между Русью и Византией 911 и 944 годов регулируют ряд юридических казусов, связанных с уголовным и имущественным (гражданским) правом.

По словам русского либерала П. Б. Струве, нравственное сознание народа, его национальный дух находят свое воплощение в культуре – той непосредственной среде, где формируется волевое и сознательное начало нации – государство. Богатство, глубина и самобытность культуры определяют силовые возможности государства, его способность подчинять другие нации и государства. В этом плане борьбу между нациями и государствами Струве рассматривает как борьбу культур: побеждает та культура, в которой уровень правового и морального сознания, степень дисциплины и порядка оказываются выше (см. [9]).

В России, в силу социально-исторических особенностей развития, рационализм в западноевропейском варианте возникнуть не мог. Экономическое поведение здесь часто имеет иррациональный характер, и экономическая выгода иногда упускается из-за влияния субъективного восприятия окружающих и причастности к коллективному духу. Это отличительная особенность российского человека вносит моменты неопределенности в ситуации, сопряженные с экономическим выбором. Более того, в России мы наблюдаем «зарегулированность» русской жизни, наличие бесчисленных обременительных норм и правил. Одновременно все эти бесчисленные нормы и правила повсеместно игнорируются, что жизнь движется по каким-то своим особым законам, а то и вовсе напоминает «бои без правил».

Для российской правовой системы цивилизационно характерны исключительно устойчивые многовековые традиции абсолютного подчинения права политическому устройству («закон что дышло, куда повернул, туда и вышло»). «Восточная» слабость российского права в условиях приоритета конвенциональных и моральных регуляторов на практике привела к неправомерному насилию. На данный аспект обращает внимание Л. Фишман [12], анализируя русскую модель управления, которая может быть кратко охарактеризована как система отношений между централизованной властью и обществом, разделенным на первичные социальные ячейки (кластеры). Кластеры внутри себя законами не регулируются. Государственная власть также соблюдает законы – постольку поскольку. Однако законов принимается много, в том числе при попытках принудить кластеры делать что-то необходимое государству.

Законы обычно не исполняются по молчаливому соглашению между властью и обществом. Но потенциально каждый может быть уличен в неисполнении закона или несоответствии идеологии (религии) и «взят за шкуру». Ситуация потенциальной виновности всех и каждого поэтому – обычное дело для так называемой «русской модели управления», в которой государство изначально воспринимается и действует как нечто *внешнее* по отношению к обществу.

На всем протяжении исторического развития России происходило доминирование нравственных ценностей традиционного общества, которые обладали более сильным регулятивным действием, чем правовые нормы. Акцентируя внимание на том, что Россия является государством, во-первых, полиэтничным, а во-вторых, светским, необходимо констатировать, что в настоящее время сосуществуют и имеют одинаковое значение как идея национального единства, так и религиозная идея, оказывающие влияние на формирование нормативности поведения, в частности правовой нормативности.

Развитие законов в период общественной эволюции России дает право считать, что уже в средневековом обществе существовала серьезная правовая культура, влияющая на формирование социально-политической мысли. Характерно, что такая мысль развивалась в условиях классового неравенства и борьбы, а также при значимом влиянии религиозных догм. С развитием общества законы государства пересматривались и обновлялись с целью справедливого регулирования социальных отношений. И этот процесс, пусть далеко и не идеальный, мы наблюдаем в развитии российской правовой системы, где правовые нормы и социально-политическое развитие государства не только неразрывно связаны, но и существенным образом влияют на социокультурное поле (пространство), отражаемое в российской повседневной ментальности. Ментальность же, как общественное явление, социокультурный феномен и фактор политического поведения определяется качеством и состоянием социальной среды, в которую она вписана (см. [4]).

Под социокультурным (социальным) полем, в данном случае, мы понимаем участок социального пространства, обладающий в результате повышенного уровня внутреннего взаимодействия особой атмосферой, имеющей силовой харак-

тер по отношению к попавшим туда индивидам. Так, одно социальное поле является подсистемой другого и само включает в себя более мелкие социальные поля. Кроме того, поля формируются в разных плоскостях и в результате переплетаются друг с другом самым причудливым образом: страна, регион, отраслевая и профессиональные общности, город, университет, предприятие, факультет, учебная группа, клуб любителей, компания друзей и т. д.

По мнению К. А. Феофанова, «для восточных (азиатских) правовых систем, прежде всего исламской, индусской и буддийской, по численности охвата населения наиболее распространенных в современном мире, характерен приоритет традиций, выраженных в виде определенного набора представлений, обычаев, навыков и привычек практической деятельности, передаваемых из поколения в поколение. Этот комплекс основанных на религии ценностно-нормативных и культурно-институционально-традиционных образов при минимальной рецепции элементов западного (европейского) права, которое все же оказывает воздействие через прошлый метрополитно-колониальный опыт и современные процессы глобализации, всегда является детерминирующим в конкретной правоприменительной практике» [11, с. 82].

Когда нормы права отражают потребности общественного развития, интересы нации и всего человечества, раскрывается не формально-абстрактная совокупность законов, а их система, способствующая самосохранению общества. В данном случае норма права создает равновесие в обществе и укрепляет его, поскольку формирует предсказуемое поведение индивида и его отношение другому лицу и ко всему обществу. Для оптимального создания и применения тех или иных правовых норм необходим анализ и учет общественного мнения, поскольку важнейшим признаком законной нормы является ее социальная значимость и необходимость. Социальными факторами, влияющими на применение норм права, являются политический режим государства, активность политических партий и общественных объединений, состояние экономики и благосостояния населения, образованность правоприменителей и всех слоев общества, социально-научные исследования и разработки, социально-демографические условия (числен-

ность, плотность и состав населения, занятость, уровень преступности).

Широкие границы вариативности социокультурной практики характеризуются отсутствием удерживающих человека в культуре механизмов за исключением самоопределенности самого человека, в абсолютном большинстве, имеющих корни в ценностных нормативах прошлого. Например, с точки зрения применения религиозных норм, санкции в исламском праве не являются четко определенными: важнейшей является такая религиозная санкция, как «состояние греха». В отдельных сферах общественных отношений (отрасль личного статуса) нормы права исполняются добровольно, практически без государственного вмешательства. Юристы привержены неизменной и неподвижной системе. Не допускается говорить о каких-то заимствованиях мусульманским правом иностранных идей и положений... Доктрина ислама не допускает, чтобы законодатель мог изменять нормы права, составляющие священное мусульманское право; это запрещение не препятствует тому, чтобы различными путями – полицейскими или процессуальными – властитель в мусульманских странах фактически парализовал действие той или иной правовой нормы или подчинил ее применение различным условиям, не затронув ортодоксальных принципов (см. [3]).

При разрешении конфликтов в буддийских обществах доминируют «правила вежливости, приличия, морали, чести, общественной морали, а не право. Суд редко используется для защиты личных интересов. Идеальной является ситуация, когда законы вообще не применяются, а судебные решения не выносятся. Неприязнь к праву усугубляется плохой организацией правосудия. Так, правосудие в Китае в течение веков отправлялось администраторами, сдавшими для занятия поста экзамены литературного характера» [11, с. 84–85].

Исторический опыт, да и современные процессы, особенно в мусульманских странах, показывают, что, с одной стороны, многие религиозные нормы являются сильными сдерживающими факторами для верующих, запрещая совершать некоторые виды преступлений (злоупотреблять спиртными напитками и т. д.) [7, с. 81–82]. С другой, они могут являться источником порождения религиозного фанатизма, углублять расовую нетерпимость и национальную рознь, а с правовой

точки зрения – закреплять основания для социального неравенства и препятствовать духовному развитию личности.

В России, интересен процесс формирования гражданско-правовых отношений на основе взаимодействия норм права и социально-политических взглядов. Советский правовед Ю. Гейман в конце 20-х годов напишет: «Хозяйственное законодательство военного коммунизма представляет сложный замкнутый круг неправовых по своей природе норм и норм публично-правовых, крайне ограниченных в своем объеме... они просто указывают путь, по которому пойдет хозяйственное право пролетарского государства к неправу, к административно-техническому регулированию, к своей противоположности» (цит. по [13, с. 159]). Гражданский кодекс, принятый в 1922 году, устанавливал порядок защиты имущественных прав только в случае их соответствия социально-хозяйственному назначению. Это давало большой простор для толкования закона.

Однако весь предыдущий социально-правовой опыт и будущее покажут, что именно формальная определенность нормы права в процессе тысячелетнего развития позволяет использовать право в упорядочении социально-политических отношений и целенаправленном развитии общества. Буква закона всегда стоит над субъективно толкуемым духом закона, и нельзя подменять законность целесообразностью. «В условиях глубоких мега- и микроуровневых общественных изменений, – как подчеркивает Р. Ф. Степаненко, – в том числе по причине неконсеквентности проводимых правовых реформ в современной России, начиная с середины 80-х годов прошлого столетия, юридическую маргинальность следует расценивать как неизбежное явление, побочный продукт всевозможных модернизаций, обуславливающих как “пограничность” правового состояния (положения) значительного числа российских граждан, так и отчужденность ценностно-нормативного пространства от смысла права, в том числе субъектами, его конструирующими» [8, с. 101].

Соблюдение норм права лежит в основе правозаконности любого государства. Любая норма права в какой-то мере ограничивает личную свободу индивида, а правозаконность ограничивает возможности властей. По классическому опреде-

лению А. Дайси, правозаконность – это абсолютный авторитет и главенство действующего законодательства, противопоставленные произвольным распоряжениям властей и исключаящие произвол с их стороны (цит. по [14, с. 123]). К сожалению, понятие правозаконности и приоритет норм права в России практически полностью утратили свое значение в период 30–50 годов XX века.

Попирание норм права во всех сферах жизни постепенно привело к разрушению самой идеи справедливого государства, которое существует для блага людей. Ф. А. Хайек в своих размышлениях об ошибочной политике тоталитарного и авторитарного правления указывает на недопустимость конкретизации норм права в отношении отдельных людей и их привилегий. Он утверждает, что если в момент принятия закона известен его результат, такой закон уже не является инструментом, который свободный человек может использовать по своему усмотрению. Это инструмент, с помощью которого законодатель воздействует на людей, преследуя свои цели [14, с. 126].

Опираясь на эволюционную эпистемологию (общечеловеческие нормы социального поведения запрограммированы филогенетически и устанавливаются наследственно), можно сказать, что развитие социокультурных процессов имеет две стороны. С одной – степень заинтересованности общества в целом, его классов, социальных групп, территориальных общностей и их ментальности. С другой стороны – политические и социальные установки властных структур, помогающие культуре самоидентифицировать себя. Например, имея определенные врожденные структуры мышления, все люди, всех народов и культур, сами определяют основы своей логической структуры языка и логику мышления.

Пагубно отражается на нравственности и культуре народа, унижает его достоинство неблагоприятное положение дел с правами человека (механизм реализации и их культура соблюдения на протяжении длительного времени) в России. При утрате старых ориентиров и не получив новых, сегодня на средний уровень общественного сознания (ментальность) населения обрушиваются потоки низкопробной литературы, пошлой рекламы, и общий стиль СМИ, пытающихся привлечь к себе внимание сенсациями, сплетнями, оккультными сообщениями. Так можно долго и неплохо жить, даже не решая некоторых проблем,

которые в той или иной степени ощущаются частью граждан или даже многими из них. Мы можем говорить о ментальной терпимости русского народа, но не о его толерантности как в отношении себя, так и в отношении власти. Ответственность имеет место только на индивидуальном уровне, что способствует усилению агрессивности и деструктивности в обществе, а не сохранению его целостности и социокультурной идентичности.

Придерживаясь понимания социокультурного процесса как интеграционного взаимодействия поликультурных сообществ в рамках единого пространства, необходимо учитывать действие социокультурного закона. Его действие позволяет прогнозировать и преодолевать социальные конфликты. Суть социокультурного закона, согласно А. С. Ахиезеру, заключена во «взаимопроникновении культуры и социальных отношений в процессе воспроизводственной деятельности субъекта», где «соблюдение единства социальных отношений и культуры – жизненно важный императив, представляющий собой закон воспроизводственной деятельности» [2, с. 482]. Для уравнивания и воспроизводства субъекта необходима его собственная интеграция, предотвращающая распад и нахождения меры своего уравнивания. Данный закон является способом разрешения социокультурного противоречия, которое «возникает в результате освоения субъектом противоречий между его воспроизводственной деятельностью и энтропийными процессами, опасностями во всех формах, которые постоянно дезорганизуют общественного субъекта, его социальные отношения и культуру» [2, с. 481].

Как уже нами отмечалось [5, с. 389], «для устойчивого состояния нормативно-правовой системы опасен конфликт между законодательной и исполнительной властью». Своевременное преодоление такого конфликта возможно в процессе нахождения компромиссных вариантов среди всех субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности в условиях существования социального согласия при развитии общественных отношений. В конечном счете, это должно способствовать стабилизации (уравниванию) поведенческих ожиданий и коллективно принятых решений. В этом случае необходимо действие такого принципа права, как обязательное доведение норм права до сведения субъектов, попадающих в поле действия такой нормы. Обнародование правовых норм предполагает не только

официальную публикацию, но и толкование, разъяснение их смысла.

Консенсус должен опираться на фундаментальные принципы и нормы, в частности правовые. Прежде всего, это признание субъектами друг друга в качестве участников общественных отношений. Решающим выступает фактор взаимной полезности, предполагающий взаимную заинтересованность сторон, уважение и учет их интересов, в частности, способность жертвовать частью собственных интересов ради максимизации общего блага. Фактор взаимной полезности должен распространяться не только на индивидуальном уровне, но и быть включенным во взаимодействие различных социальных и политических групп социума. Для успешного противостояния развитию различных деструктивных процессов

необходимо воспитание и возвращение конфликтных компетентностей человека, чтобы человек осознал (мог осознать) конфликт как явленное в нем объективное противоречие. На противоречие, явленное в конфликте, можно ответить агрессией, попытаться победить его в буквальном, силовом смысле слова. Ни в первом, ни во втором случае противоречие не исчезнет, конфликт лишь на какое-то время затаится, спрячется, но обязательно вернется, может быть, в еще более сложном виде. Одним из инструментов в этом случае является расширение социокультурного диалога на основе переговоров как снятие этого противоречия через умение договариваться. Чем больше способов разрешать конфликт знает человек, тем более он способен к продуктивному взаимодействию.

Литература

1. Алексеев С. С. Философия права. – М.: Норма, 1999. – 336 с.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): слов. – 2-е изд. – Новосибирск: Сибир. хронограф, 1998. – Т. 2: Теория и методология. – 720 с.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. – М., 1999. – 400 с.
4. Золотухин В. М., Родионов А. В. Социально-философский и культурологический аспекты российской ментальности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 29, ч. 1. – С. 17–24.
5. Золотухин В. М., Степанцова Е. В. Социально-философский аспект правовой нормы // Актуальные проблемы гуманитар. и естеств. наук. – 2013. – 12 (59) дек. – Ч. 1. – С. 386–390.
6. Краснов Ю. К. История государства и права России: учеб. пособие. – М.: Рос. пед. агентство, 1997. – 288 с.
7. Кудрявцев В. Н., Кудрявцев Ю. В., Нерсесянц В. С. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М.: Юрид. лит., 1984. – 320 с.
8. Степаненко Р. Ф. Причинность, понятие и виды правовой маргинальности // Государство и право. – 2014. – № 6. – С. 98–103.
9. Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – 527 с.
10. Толстых Н. А., Трусов В. А. Понятие, содержание права // Государство и право. – 2014. – № 6. – С. 5–13.
11. Феофанов К. А. Цивилизационные детерминанты права: коммуникативные технологии на службе политических режимов // Соц.-гуманитар. знания. – 2009. – № 5. – С. 79–94.
12. Фишман Л. Имитация миссии // Нева. – 2014. – № 12. – С. 163–174.
13. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 года). – М.: Наука, 1992. – 176 с.
14. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопр. философии. – 1990. – № 11. – С. 121–132.

References

1. Alekseev S.S. Filosofia prava [Philosophy of law]. Moscow, Norma Publ., 1999. 336 p. (In Russ.).
2. Akhiezer A.S. Rossiia: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaia dinamika Rossii). T. 2. Teoriia i metodologiya. Slovar' [Russia: a critique of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia). Vol. 2. Theory and methodology. Dictionary]. 2 th ed. Novosibirsk, Sibirskii chronograf Publ., 1998. 720 p. (In Russ.).
3. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [Major legal systems of today]. Moscow, 1999, pp. 76–79. (In Russ.).
4. Zolotukhin V.M., Rodionov A.C. Sotsial'no-filosofskii i kul'turologicheskii aspekty rossiiskoi mental'nosti [Socio-philosophical and cultural aspects of the Russian mentality]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture And Arts], 2014, no. 29, part 1, pp. 17–24. (In Russ.).

5. Zolotukhin V.M., Stepantsova E.V. Sotsial'no-filosofskii aspekt pravovoi normy [Socio-philosophical aspect of legal norms]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Actual problems of natural Sciences and Humanities]*, 2013, no 12 (59), December, part 1, pp. 386–390. (In Russ.).
6. Krasnov I.K. Istoriia gosudarstva i prava Rossii. Uchebnoe posobie [History of state and law of Russia. The tutorial]. Moscow, Rossiiskoe pedagogicheskoe agentstvo Publ., 1997. 288 p. (In Russ.).
7. Kudriavtsev V.N., Kudriavtsev I.V., Nersesiants V.S. Sotsial'nye otkloneniia. Vvedenie v obshchuiu teoriu [Social deviance. Introduction to the General theory]. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ., 1984. 320 p. (In Russ.).
8. Stepanenko R.F. Prichinnost', poniatie i vidy pravovoi marginal'nosti [Causation, the concept and types of legal marginality]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*, 2014, no 6, pp. 98–103. (In Russ.).
9. Struve P.B. Patriotika. Politika, kul'tura, religiia, sotsializm [Patriotica. Politics, culture, religion, socialism]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 527 p. (In Russ.).
10. Tolstykh N.A., Trusov V.A. Poniatie, sodержanie prava [The notion of the content of the right]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*, 2014, no 6, pp. 5–13. (In Russ.).
11. Feofanov K.A. Tsvilizatsionnye determinanty prava: kommunikativnye tekhnologii na sluzhbe politicheskikh rezhimov [Civilizational determinants rights: communication technologies at the service of political regimes]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia [Social Sciences and Humanities]*, 2009, no 5, pp. 79–94. (In Russ.).
12. Fishman L. Imitatsiia missii [Simulation of the mission]. *Neva [The Neva]*, 2014, no. 12, pp. 163–174. (In Russ.).
13. Habermas Iu. Demokratiiia. Razum. Nravstvennost'. (Lektsii i interv'iu. Moskva. Aprel' 1989) [Democracy. Mind. Morality. (Lectures and interviews. Moscow, April 1989)]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 176 p. (In Russ.).
14. Haiek F. Doroga k rabstvu [The road to serfdom]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, 1990, no. 11, pp. 121–132. (In Russ.).